

Ронкина Наталья Михайловна

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА "ТАМБОВСКАЯ КАЗНАЧЕЙША" И ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье анализируется пушкинская традиция в изображении главного персонажа иронической поэмы М. Ю. Лермонтова "Тамбовская казначейша", во время создания которой поэт находился на стадии поиска своего героя. Результаты этого поиска и нашли воплощение в образе Гарина. При этом Лермонтов иногда открыто отталкивался от опыта Пушкина, побуждая читателя к сопоставлению своего героя с персонажем пушкинского "Евгения Онегина", а иногда, формально реализуя принцип Пушкина, по сути разрушал его изнутри, одновременно наполняя собственным содержанием. Некоторые открытия, сделанные Лермонтовым в "Тамбовской казначейше", впоследствии будут переосмыслены и отражены в "Герое нашего времени".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 1. С. 29-31. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

В статье анализируется пушкинская традиция в изображении главного персонажа иронической поэмы М. Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша», во время создания которой поэт находился на стадии поиска своего героя. Результаты этого поиска и нашли воплощение в образе Гарина. При этом Лермонтов иногда открыто отталкивался от опыта Пушкина, побуждая читателя к сопоставлению своего героя с персонажем пушкинского «Евгения Онегина», а иногда, формально реализуя принцип Пушкина, по сути разрушал его изнутри, одновременно наполняя собственным содержанием. Некоторые открытия, сделанные Лермонтовым в «Тамбовской казначейше», впоследствии будут переосмыслены и отражены в «Герое нашего времени».

Ключевые слова и фразы: М. Ю. Лермонтов; «Тамбовская казначейша»; Гарин; «Евгений Онегин»; принцип противоречия; множественная точка зрения.

Ронкина Наталья Михайловна

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
natalia.ronkina@mail.ru*

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ТАМБОВСКАЯ КАЗНАЧЕЙША» И ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В 1830-е годы Лермонтов находился на стадии становления и в поиске ориентиров обратился к пушкинскому опыту, как уже делал, например, в ранний период творчества [5, с. 17; 7, с. 32]. Лермонтов искал способ для воплощения своей картины мира, искал своего героя, вырабатывая поэтическую речь в большой форме.

«Тамбовская казначейша» Лермонтова (1838), наряду с другими его ироническими поэмами, явилась художественным полигоном для поиска героя, который в конечном итоге воплотился в прозаической форме «Героя нашего времени». При этом именно пушкинские принципы создания образов, реализованные, в частности, в «Евгении Онегине», явились для Лермонтова ориентиром в его художественном поиске.

Попытка Лермонтова найти героя своего времени в «Тамбовской казначейше» вылилась в создание образа Гарина, который, с одной стороны, изображается как типичный повеса, с другой стороны, – как пародия на высокого романтического героя. Это удалой штаб-ротмистр, храбрец, покоритель женских сердец, чей характер Лермонтов использует «в защиту пушкинской борьбы против возвышенных страстей, ложной напряженности действия» [2, с. 50] (борьба Пушкина против Булгарина за эстетизацию быта. – Н. Р.). Образ Гарина, возможно, дал почву для создания не только образа Печорина («Герой нашего времени»), но и Грушницкого, в лице которого, как и в случае с Гариным, поэт осмеивает романтические штампы.

В первую очередь, Гарин показан в тесной связи с Онегиным. Сопоставление Гарина с Онегиным, к которому Лермонтов будто сам подталкивает читателя, ярче высвечивает плоскость и пошлость характера улана. Влияние образа Онегина на характер Гарина можно обнаружить в тех эпизодах, где отмечается свободное, уверенное поведение героев, знание анекдотов, постоянный успех обоих у женщины, приятельские отношения между героем и автором. Однако иногда Лермонтов, формально следуя за Пушкиным в изображении Гарина, по сути, отталкивается от автора романа в стихах. Это отражается, в частности, в том, как решается проблема счастья главных героев и как реализуется принцип противоречия в обрисовке образов.

В прошлом Онегину были близки идеалы и ценности Гарина, но со временем герой пушкинского романа к ним охладел.

«Евгений Онегин»	«Тамбовская казначейша»
И хоть он был повеса пылкой, Но разлюбил он наконец И брань, и саблю, и свинец [6, с. 21].	Один улан, повеса милый... <...> Бывало, в деле, под картечью Всех рассмешит надутой речью [3, с. 124-125].

С Гариным ничего похожего не произошло – и, видимо, произойти не могло в силу особенностей его натуры. Различия характеров Онегина и Гарина наиболее рельефно проступают в том, как автор решает проблему счастья своего героя.

«Евгений Онегин»	«Тамбовская казначейша»
Но был ли счастлив мой Евгений, Свободный, в цвете лучших лет, Среди блистательных побед, Среди всдневных наслаждений? Вотще ли был он среди пиров Неосторожен и здоров? XXXVII. Нет: рано чувства в нем остыли [6, с. 20]...	А несмотря на то, друзья, Счастливей был, чем вы и я [3, с. 126].

Пушкин, обозначив проблему, задает вопрос и сам же на него отвечает – отрицательно. Лермонтов, будто вступая в диалог с автором «Евгения Онегина», отвечает на заданный им вопрос совершенно противоположным образом – и не случайно герой Лермонтова так похож на Онегина и вместе с тем так от него отличается.

Если мир Онегина сложен и многогранен, и вопрос о счастье не решается для героя положительно, то с Гариным все гораздо проще. Гарин – характер, лишенный онегинской глубины. Все, что вызывает у Онегина скуку и апатию, составляет прямое содержание и смысл жизни Гарина: женщины, пиры, *брань*. Эти сопоставления по-особому освещают образ Гарина: штаб-ротмистр предстает в роли персонажа-двойника Онегина, человека, в котором развилась лишь одна из граней сложного характера Онегина. В облике Гарина нет глубоких противоречий (оттого и возможно его счастье: *счастливей был, чем вы и я*) именно потому, что отсутствует сложное многообразие сторон, которые – это лишь вопрос времени – вступают друг с другом в спор и, как у Онегина, не обретают примирения.

Принцип противоречий, определяющий множественную точку зрения, которая характерна для «Евгения Онегина», также переосмысливается Лермонтовым в «Гамбовской казначейше».

Исследователями давно были замечены противоречия в тексте пушкинского романа в стихах. Наиболее явное из таких противоречий относится к Татьяне, которая одновременно была *русская душою* и *по-русски плохо знала*. Ученые по-разному пытались объяснить этот факт, так как количество подобных противоречий и прямое заявление Пушкина о своем нежелании их исправлять («Противоречий очень много, / Но их исправить не хочу» [6, с. 30]) не позволяют отнести эти нестыковки к случайным несоответствиям и авторскому недосмотру. Д. Д. Благой объяснял такие противоречия желанием Пушкина быть верным действительности [1], Ю. М. Лотман отмечал, что для пушкинского романа в стихах характерна рассеянная точка зрения [4].

Лермонтов наследует пушкинскую традицию и в образе Гарина реализует принцип противоречий, формально схожий с приведенным примером про Татьяну, однако по функции отличающийся от него. Автор пишет о Гарине:

Строфа XV	Строфа XVII
Шатаюсь по Руси кругом... То полупьяным ремонтёром, То волокитой отпускным [3, с. 125]...	Он не был тем, что волокитой У нас привыкли называть [3, с. 126].

Налицо явное противоречие. Гарин одновременно и волокита, и не волокита, так же как Татьяна – *русская душою* и *по-русски плохо знала*. Лермонтов здесь – на первый взгляд – создает некую множественную точку зрения рассеянного субъекта (согласно терминологии Ю. М. Лотмана [Там же]), как делает Пушкин, поместив в текст романа в стихах две противоречащие друг другу детали. Однако если у Пушкина принцип противоречия действительно образовывал рассеянную точку зрения, то у Лермонтова все иначе.

С одной стороны, автор «Гамбовской казначейши» одновременно утверждает и отрицает тот факт, что его герой – поклонник легких любовных приключений. Здесь действительно появляется множественная точка зрения. Но, с другой стороны, поступки Гарина характеризуют его с исчерпывающей достоверностью. Персонаж реализует в отношении Дуни модель поведения, свойственную волокитам: Гарин приводит в действие хитроумный план оболъщения казначейши, который, судя по всему, использует далеко не в первый раз. Лермонтов, формально реализуя пушкинский принцип противоречия, по сути, разрушает его изнутри. Создается ощущение, будто автор не обладает всей полнотой истины, именно поэтому его точка зрения колеблется между двумя полюсами, а сам он дает слово художественной детали и сюжету произведения. Здесь автор демонстративно отходит в сторону, отказываясь от вмешательства в текст, то есть от прямой оценки событий, и тем самым поддерживая принцип реалистического художественного метода.

В конечном счете все сводится к одной точке зрения, о чем свидетельствует поведение самого штаб-ротмистра. Так Лермонтов будто подчеркивает плоскость и пошлость характера Гарина, сначала принудив читателя принять рассеянную точку зрения относительно характера улана (и сопоставить его с Онегиным), а потом сняв эту точку зрения с помощью сюжета поэмы. В романе «Герой нашего времени», где Лермонтову удается обрести своего героя, множественная точка зрения, принципиально отвергнутая при изображении Гарина, будет реализована в точках зрения нескольких повествователей и автора.

Таким образом, Лермонтов, в поисках своего героя опираясь на пушкинскую традицию, по-своему переосмысливает опыт автора романа в стихах. Иногда Лермонтов прямо отталкивается от пушкинских приемов, обнажая связь с традицией Пушкина отсылками к «Евгению Онегину», а иногда берет за основу пушкинский принцип и видоизменяет его, наполняя собственным содержанием. Так Михаил Юрьевич ищет свой путь в изображении героя времени. Впоследствии этот путь будет обретен в вершинном достижении писателя – романе «Герой нашего времени», который был бы невозможен без творческого поиска на художественном поле иронических поэм, в том числе «Гамбовской казначейши».

Список источников

1. Благой Д. Д. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: ГИХЛ, 1959-1962. Т. 4. С. 512-540.
2. Ефимова М. Т. Традиции Пушкина в реалистических поэмах Лермонтова // Пушкинский сборник. Псков: Псковский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова, 1962. С. 44-56.
3. Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6-ти т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); ред.: Н. Ф. Бельчиков, Б. П. Горюцкий, Б. В. Томашевский. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 4. 427 с.
4. Лотман Ю. М. Художественная структура «Евгения Онегина» // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1966. Вып. 184. С. 5-32.

5. **Нейман Б. В.** Влияние Пушкина в творчестве Лермонтова. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1914. 148 с.
6. **Пушкин А. С.** Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 6. С. 1-205.
7. **Федоров А. В.** Лермонтов и литература его времени. Л.: Худож. лит., 1967. 364 с.

**THE PROTAGONIST OF M. YU. LERMONTOV'S POEM
"THE TAMBOV TREASURER'S WIFE" AND PUSHKIN'S TRADITION**

Ronkina Natal'ya Mikhailovna

*Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
natalia.ronkina@mail.ru*

The article analyzes Pushkin's tradition in depicting the protagonist of M. Yu. Lermontov's ironic poem "The Tambov Treasurer's Wife", during the creation of which the poet was at the stage of searching for his hero. The results of this search are embodied in the image of Garin. At the same time, Lermontov sometimes proceeded openly from Pushkin's experience, prompting the reader to compare his character with the character of Pushkin's "Eugene Onegin", and sometimes, implementing the principle of Pushkin formally, destroyed essentially it from within, while simultaneously filling it with his own content. Some of the discoveries made by Lermontov in "The Tambov Treasurer's Wife" will subsequently be rethought and represented in "A Hero of Our Time".

Key words and phrases: M. Yu. Lermontov; "The Tambov Treasurer's Wife"; Garin; "Eugene Onegin"; contradiction principle; multiple point of view.

УДК 82-13

Предметом статьи является дискуссия о вере в поэме «Владимир». Херасков устами нескольких персонажей проясняет некоторые аспекты христианского вероучения, отстаивает преимущества христианского закона, приводит и опровергает аргументы противников христианства. Выделяется в поэме эпизод выбора вер, отчасти повторяющий соответствующий фрагмент «Повести временных лет», но с дополнениями Хераскова, а также прения богатыря-язычника Рогдая и христианина Стенара. Прения о вере в поэме частично обусловлены влиянием исторических источников и отвечают задаче автора: обосновать необходимость крещения Владимира, а затем Руси.

Ключевые слова и фразы: М. М. Херасков; «Владимир»; крещение Руси; прения о вере; христиане; язычники; эпическая поэма.

Семенова Анастасия Владимировна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в Казахстане, г. Астана
anastasia_semenova@list.ru*

ПРЕНИЯ О ВЕРЕ В ПОЭМЕ М. М. ХЕРАСКОВА «ВЛАДИМИР»

Христианство, как любая религия, всегда имело противников. Во времена князя Владимира язычники противодействовали крещению Руси, отстаивая старую веру. Этот исторический сюжет лег в основу второй широко известной поэмы М. М. Хераскова «Владимир» (1985)¹, закрепившей за поэтом славу «песнопевца России». Херасков, оставаясь верным исторической тематике, обращает взор на более ранний период российской истории, нежели в «Россияде», – правление князя Владимира I Святославича. Апология христианства в поэме, рассказывающей о событиях, подтолкнувших киевского князя к крещению, была бы односторонней, не приведи автор аргументы против новой веры и соответствующих контраргументов. Херасков вносит в произведение элементы религиозно-философской дискуссии, что дает ему возможность устами героев отражать выпады против христианства, тем самым укрепляя позиции последнего. Кроме того, прения о вере составляют эпизод выбора новой религии в IV песни поэмы. Спор христиан и язычников разворачивается в X, XI, XVII, XVIII песнях.

«Владимир» не является традиционной героической поэмой, в Предуведомлении Херасков предупреждает о том, что произведение следует «читать как странствование внимательного человека путем истины, на котором сретається он с мирскими соблазнами, подвергается многим искушениям, впадает во мраки сомнения,

¹ Впервые поэма «Владимир возрожденный» опубликована в 1785 году [20]. В 1786 году «Владимир» вошел во второй том «Эпических творений» Хераскова с сокращенным заглавием [18]. Третье (второе отдельное) издание вышло в 1787 году [22]. Четвертая редакция поэмы вошла в состав «Творений М. Хераскова, вновь исправленных и дополненных», часть II [21], пятая вышла в составе переизданных «Творений Хераскова», печатавшихся с 1807 по 1812 годы в Москве уже после смерти поэта [17]. В 1820 году также в типографии Московского университета А. С. Шириев переиздает «Эпические творения» Хераскова, возвращаясь к редакции поэмы «Владимир» 1787 года (в шестнадцати песнях; цензором стал А. Ф. Мерзляков) [19]. Во второй половине XX века избранные произведения Хераскова, в том числе «Владимир», были переизданы [23]. Последняя публикация поэмы – в книге Н. А. Гранцовой «Чудо о Князе-Крестителе» [2, с. 82-215]. В настоящей работе мы ссылаемся на четвертое, наиболее полное прижизненное издание поэмы [21].